

Ольга Батлер

Моя МАЛЕНЬКАЯ БРИТАНИЯ

В британских очерках Ольги Батлер национального аромата не меньше, чем в традиционном английском пудинге и воскресном обеде с жарким (ищите рецепты в книге!). Написанные прекрасным русским языком и приспанные английским юмором истории о современной, но не забывающей своих традиций Британии никого не оставят равнодушными. Но назвать эту книгу стопроцентно легким чтением нельзя. Пасторали и смешные сценки соседствуют со статьями о британских политиках и социальных проблемах: как английские детки «строят» учителей, поколение безработных устроило бэби-бум, а политкорректность меняет английский язык.

«Это не обычная книжка из ряда "какже эти англичане странные", а сборник мастерски написанных текстов-наблюдений, очень тонких и очень точных, о живой, меняющейся, многогранной Британии».

Вера Цескова, обозреватель
«Независимой газеты»

chry

Ольга Батлер

Моя маленькая Британия

«БХВ-Петербург»

2011

Батлер О. В.

Моя маленькая Британия / О. В. Батлер — «БХВ-Петербург»,
2011

В британских очерках Ольги Батлер, впервые опубликованных в «Независимой газете», национального аромата не меньше, чем в традиционном английском пудинге и воскресном обеде с жарким. Написанные прекрасным русским языком и присыпанные английским юмором истории о современной, но не забывающей своих традиций Британии никого не оставят равнодушными. Но книга не является стопроцентно легким чтением. Пасторали и смешные сценки соседствуют со статьями о британских политиках и социальных проблемах: как английские детки «строят» учителей, поколение безработных устроило бэби-бум, а политкорректность меняет английский язык.

© Батлер О. В., 2011

© БХВ-Петербург, 2011

Содержание

I. Стиль жизни	5
Маршрутами островитян	5
АА и В&В в азбуке путешественника	5
Скелет в пивнушке	8
Страна художника Констебла	10
Путешествие по Сассексу в вагоне третьего класса	11
Бабушка всех подземок	14
Что для русского болезнь, у англичанина – хобби	18
Бес счета	18
Какого цвета Тинки-Винки	19
Обмен женами	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Батлер

Моя маленькая Британия

I. Стил ь жизни

Маршрутами островитян

АА и В&В в азбуке путешественника Маленькие гостиницы Британии – штучный товар в эпоху глобализации

По Англии хорошо ездить на машине. Это шанс увидеть другую страну, нету, что в Лондоне. В какую сторону королевства ни отправишься, обязательно в конце концов попадешь к морю. Романтика путешествия заключается в его незапланированности. Но ты можешь ездить по острову в полной уверенности, что не останешься голодным и без крыши над головой.

Многочисленные Inn, а так же «бэд энд брекфаст», В&В, готовы принять путешественника в любой деревне и городке. Конечно, существует и мир пятизвездочных гостиниц, где номера бронируются заранее – с дорогими египетскими простынями, подарочными банными халатами «для него» и «для нее», шампанским и цветами на столике. Есть также залитые неоновым светом стильные отели в самом центре городов, там, где шум толпы не стихает даже по ночам.

Но старые добрые гостинички – это штучный товар. Они крепко стоят в веках и в эпоху глобализации сохраняют свой характер. Аренда комнаты на уик-энд в сельской В&В в нескольких минутах ходьбы от деревенского паба считается у англичан проверенным способом поднять настроение и расслабиться после рабочей недели.

Даже принц Чарльз испытывает теплые чувства к этим народным отелям. Он останавливался у кумбрийского фермера, который занялся гостиничным делом ради поправки финансов. Чарльз и его охрана занимали все три номера маленького сельского коттеджа Yew Tree Farm.

Никто в крошечной деревне Ростфэйв не догадывался, кем был мужчина в кепке и клетчатой куртке, в дождливый день ходивший на прогулку по местным холмам – личный секретарь принца дала информацию для прессы, когда Чарльз уже выехал из гостиницы.

А владельцы Yew Tree Farm и сегодня гарантируют «настоящий огонь в камине и душевные английские завтраки» постояльцу любых кровей...

Во «Льве и кастрюле» клиента, как в сказке,
Окружат внимание, забота и почет.
Пуховые перины, и мягкие пружины,
И нежность, и ласка, когда оплачен счет, —
Ни единой жалобы, сервис отличный!
У нас для иностранцев комфорт и уют,
А в этой забегаловке, «Луне и яичнице»,
Только голодранцы местные живут, —

во время первых поездок по Англии песенка из «Табачного капитана» прокручивалась в моей голове всякий раз, когда мы проезжали мимо очередной деревенской Inn. Я тогда удостоверилась, что подобные места и вывески существуют не только в киношных королевствах.

И я до сих пор не пропускаю ни одного названия. Они придуманы по непонятным мне, наверняка очень старым, правилам: все эти «головы» – сарацина, или принца, или русалки, и «руки» – каменщика, бочара или короля, а также «Джорджи и драконы», «Белые лошади» и «Красные львы». Эти названия выложены золотыми буквами по белому или зеленому фасаду, среди подвешенных корзин, цветущих в любое время года.

В Ноттингеме есть паб с постоянным двором «Путешествие в Иерусалим», претендующий на звание одного из старейших в мире. Владельцы говорят, что в XII веке здесь отдыхали на пути в Святую Землю крестоносцы. А «Дерущиеся петухи» в Сант Албансе занесены в книгу рекордов Гиннеса. Фундамент здания был заложен в 793 году и там, говорят, останавливался Оливер Кромвель. Вообще-то самыми старыми себя считают около двадцати заведений. И, глядя на их низкие потолки и вросшие в землю стены, веришь любым легендам.

Сколько лет гостинице в рыбацком городке Лу в Корнволле? Телефон и кондиционер в этих старых стенах кажутся чужеродными предметами. Помню, я захотела распахнуть окно и поразилась особенному устройству щеколды и ручки. Такие изящные вещи перестали изготавливать еще в начале прошлого века, с появлением конвейера... А за раскрытым окном – древняя глухая стена соседнего дома и зеленая тихая бездна, доступная только кошкам, заросшая выюнами так, что невидны ни земли, ни окон нижнего этажа. И сто, и двести лет назад другой путешественник так же мог стоять у этого окна, видеть ту же картину.

Мы оказались в Лу по пути к самой крайней юго-западной точке Британии, Концу Земли – Лэндз Энд. Этот острый кусок суши врежется в Атлантику недалеко от Пензанса. За океаном находится Америка.

Лэндз Энд является финишем знаменитого маршрута из Джон ОГроатс, символической северной точки Британских островов, расположенной в Шотландии. Антикварные модели машин, велосипедов и мотоциклов, на которых британцы-энтузиасты пересекали свой остров десятилетия назад, выставлены в местном музее. Наверняка их маршрут, как и наш, был размечен остановками в маленьких и уютных B&V.

Путешествовать с комфортом очень помогает Ассоциация Автомобилистов, сокращенно AA. Созданная сто с лишним лет назад засидевшейся в ресторане лондонского Трокадеро группой друзей для обмена опытом, как избежать полицейских ловушек при быстрой езде, AA за годы превратилась в ангела-хранителя автомобилистов. Сегодня, помимо технической помощи, подробных карт и составления любых маршрутов, она заботливо предлагает прошедшие инспекцию гостиницы, разрешая тем использовать символ AA как знак качества. Каждый год подводятся итоги конкурса на звание лучшего владельца B&V. Судьи подчеркивают не только усердный труд победителей, но и чувство юмора, желание сделать свою гостиницу приятной и запоминающейся.

«Постели и завтраки» обычно состоят из восьми-десяти комнат. Чем ближе к деревенской местности, тем ярче занавески и обивка мебели. Цветы на английском текстиле навсегда связаны с сельской романтикой и жизнью в коттедже. Тыходишь сюда и с непривычки теряешься. Запахи семейного жилья и реликвии чужой жизни плотно окружают тебя. Кто ты здесь – гость семьи, любопытный соглядатай? Ведь каждая гостиничка сразу начинает рассказывать о своих хозяевах, которые и живут здесь, и готовят знаменитые английские завтраки.

Моей первой B&V стала гостиница Джона. Он был похож на отставного столичного чиновника. Прочитав запись в книге регистрации, заметил с улыбкой: «Хорошее шведское имя». Я сказала, что имя русское. У Джона в лице промелькнула кислинка, сменившаяся, впрочем, улыбкой. Потом я обнаружила, что соотечественники Джона, не отягощенные уни-

верситетскими дипломами и, быть может, поэтому более искренние, до сих пор полагают, что в Москве стоят очереди за хлебом, а джинсы – дефицитный товар.

Люди, ежедневно пускающие в свой дом незнакомцев, должны быть хорошими психологами, но момент приема гостей – это еще и демонстрация жизненных принципов и предрассудков. Помню, как возмущались представители британских сексуальных меньшинств, когда владелец английской V&V в дождливую ночь не захотел предоставить кров двум гомосексуалистам.

Зато, в отличие от прежних времен, сегодня редко кто придирается к многочисленным неженатым парочкам, подписывающимся «мистер и миссис Смит». И у собаки, путешествующей с хозяином, есть все возможности насладиться гостеприимством V&V. Дружелюбное «можно с домашними животными» встречается в рекламках часто.

Мы отправились в очередную поездку, в Шотландию, по беззаботной привычке не подумав о бронировании комнаты. Но на эдинбургских улицах в это время шумел и паясничал ежегодный театральный фестиваль, и ночлег в радиусе пятидесяти километров найти оказалось сложно. В бюро туристической информации нам вручили буклет с адресами близлежащих гостиниц. Я раскрыла его наугад и ткнула пальцем в самую красивую картинку. Нам повезло. «Вам даже очень повезло! – ответила на телефонный звонок хозяйка гостиницы из приморского Северного Бервика. – Пять минут назад был аннулирован один заказ».

Так мы попали в Glebe House, прекрасную шотландскую усадьбу XVIII века, где хозяева сдают несколько комнат. Привычная к незнакомцам хозяйская собачка высокогорной породы уэсти вежливо подставила свой бок для поглаживания. Бисквиты домашней выпечки растаяли во рту, когда мы в библиотеке пили чай из тонких фарфоровых чашек. В нашей комнате были кровать с пологом, старинные игрушки и белоснежные ковры. Я выдвинула ящики черного древнего комода и увидела в них хозяйские вещи. Гостиницей назвать это место язык уже не поворачивался.

Владелица Glebe House, Гвен, по всему – выпускница элитного учебного заведения, с идеальным выговором, какой не встретишь в простой среде, заставила меня задуматься о судьбе владельцев современных усадеб. Чтобы поддерживать огромный дом, им приходится пускать постояльцев и самим же их обслуживать. Впрочем, не знаю, что это для Гвен – вынужденный бизнес или увлечение, в которое она вложила гордость, любовь к чистоте и красивым вещам.

Утром мы сидели в обеденном зале за большим столом, сервированном вроде бы и не для праздника, но по принципу, что любой повод хорош, рядом стремя другими гостями. Атмосфера и обстановка напоминали романы Агаты Кристи про нарядные и благополучные дома, где происходят преступления. Воображение разыгралось даже у постояльцев-англичан. «Никого ночью не убили?» – скрипучим голосом спросила старая леди, листавшая «Дэйли Миррор». Позже я обнаружила, что эта V&V считается одной из лучших в Шотландии.

Если в доме Гвен можно было снимать детективы в духе Кристи, то другая шотландская усадьба напомнила еще одну картинку из телевизора, замок семейства Адамсов. Помещичий дом в глухом лесу – большего размера, чем у Гвен, но запущенный – возник вместе с лужайкой, когда мы уже собирались сворачивать обратно с заросшей дороги.

Мы долго ждали в зале с огромным закопченным камином, шести метровыми потолками, статуями и бюстами. Рядом с дорожными сумками уселась немецкая овчарка, не спускавшая с нас умных глаз. С поблекших фотографий улыбались нарядные эдвардианские дамы. На столе рядом с продавленным большим креслом лежала курительная трубка, но хозяев не было слышно. Когда они наконец появились – огненно-рыжая Рия и ее муж Рэй – мы вздохнули: в доме живут не привидения, а люди...

Хозяева удивляют гостей, а гости удивляют хозяев. Подводя итоги очередного конкурса на лучшую «постель и завтрак», АА выслушала множество историй, рассказанных конкурсан-

тами. В них фигурировали голые постояльцы, забытые домашние животные, и даже покойник, которого родственники оставили в номере на целый день. Но владелец одной шотландской гостиницы сказал: «Мы закрываем глаза на многие странности». К примеру, он лично проявил выдержку, отвечая на назойливые звонки бывшего гостя, требовавшего найти потерянную им вставную челюсть.

Конечно, британская любовь к этим отелям не является абсолютной. Можно сомневаться в недорогом комфорте «постелей и завтраков» из-за снобизма или из-за неудачного опыта. «Дешевле 200 фунтов в Лондоне и 100 фунтов в глубинке вы ничего приличного не найдете, – говорят скептики. – Иначе вам обеспечены сон в насквозь прокуренной комнате, синтетическое постельное белье и нервный хозяин, который объявляет комендантский час после десяти вечера». Однако ночевка в том же Yew Tree Farm коттедже стоит всего 25 фунтов, и, по словам принца Чарльза, он наслаждался «необыкновенным уютом».

Столько в мире этих маленьких гостиниц истинного национального аромата – не меньше, чем в традиционном пудинге и воскресном английском обеде с жарким. Среди них не найдется двух одинаковых, поэтому я со свежим любопытством переступлю порог очередной B&V. В путешествии по Британии стоит отклониться от найденных туристических маршрутов, чтобы посетить местный паб и остановиться в сельском отеле. Это возможность вдохнуть тот воздух, которым дышат коренные англичане.

Скелет в пивнушке

Английский фри-хауз рассказывает свои тысячелетние истории

«Для парковки лошадей и велосипедов» – написано мелом у ворот. «За пенни захмелеешь, за два напьешься в стельку. Чистое сено – бесплатная постелька» – это уже перед входом в заведение. Цены за последние века изменились, и на сене никто больше не спит, но эль и сидр по-прежнему имеются в продаже.

«Королевский штандарт» в Букингемшире – старейший фри-хаус страны (фри-хаус отличается от обычного паба тем, что не связывает себя эксклюзивным договором с пивоварней). И знакомство с его историей позволяет одновременно пройти краткий курс истории Англии.

Пиво в деревне Форти Грин варили и пили с древнейших времен, но доподлинный рассказ о пабе начинается со времен англо-саксонского королевства Уэссекс. Одна местная жительница варила лучший в округе эль. Приготовив очередную порцию, она привязывала к высокому шесту зеленую ветку. Для завсегдатаев – рабочих соседнего мелового карьера, а также перевозчиков кирпича и плитки – это был знак: «Добро пожаловать, пивнушка открыта!»

Заведение быстро стало популярным: здесь можно было посплетничать, обменяться товаром, устроить политический диспут и даже подраться. Все как в современном английском пабе. То, что деревня находилась вдали от больших дорог, в те беспокойные времена казалось дополнительным преимуществом.

И его завсегдатаи пили эль, как воду. История умалчивает о состоянии их печенок и количестве прожитых ими лет, но в те времена можно было скорее отправиться на тот свет от глотка простой воды. Эль считался более безопасным напитком.

В 1066 году Уильям Завоеватель подарил близлежащие земли одному норманну – зато, что тот помог ему кораблями. Именно тогда паб получил свое первое официальное имя – Se Scip, «корабль».

Потом его частыми посетителями сделались погонщики скота. Их маршрут в Лондон пролегал по «глубокой дороге», края которой были укреплены высокими насыпями, чтобы живность не разбегалась. Сегодня эта древняя аллея похожа на тоннель: сомкнутые макушки разросшихся деревьев совсем закрывают небо.

В Средние века, времена войн и переворотов, удаленное расположение паба было на руку и различным заговорщикам, и просто независимому люду. В 1485 году мужчины с вымазанными черным лицами лихо отплясывали здесь, празднуя восшествие на престол Генриха Тюдора и конец войны Алой и Белой роз.

В XVII веке в заведении были устроены комнаты для отдыха, где останавливался – ни много ни мало – сам Карл!.. Хотя вернее было бы сказать, что он не останавливался здесь, а прятался. Король переживал тогда не лучшие времена – боролся с «круглоголовыми» сторонниками парламента.

Паб стал местом, где Карл разрабатывал свою стратегию и где чуть позже сложили головы преданные ему роялисты. Когда контроль над местностью перешел к «круглоголовым», они жестоко расправились с королевскими солдатами, водрузив их головы на пики.

Среди убитых был двенадцати летний королевский барабанщик. Призрак мальчика до сих пор бродит по округе, и неподалеку от автомобильной стоянки подвыпившие посетители паба не раз слышали тревожную барабанную дробь.

Через несколько лет, когда монархия была реставрирована, пришедший к власти Карл II отблагодарил заведение, титуловав его «Королевским штандартом». Одновременно пабу был возвращен старинный уэссекский символ – дракон. Заведение, в свою очередь, негласно отплатило королю, предоставляя ему комнаты для встреч с любовницами...

Как будто ничего не изменилось с тех времен – в залах все те же сучковатые дубовые балки и старые полы. Они помнят вереницу гостей, для нас давным-давно канувших в небытие. Но сегодняшний «Королевский штандарт» выглядит гораздо целомудреннее. Ушли в прошлое азартные игры, пирушки и разврат в прокуренных номерах.

Теперь его полная легенд, любовно сохраненная старина привлекает многочисленных туристов. И не только она. Кроме преданий, у «Королевского штандарта» имеются другие козыри: традиционные сорта эля, вкусная «бабушкина» еда в историческом меню, а также прогулки по живописным окрестностям.

Мы выбрали в путеводителе маршрут средней сложности и нагуляли аппетит, побродив по холмам, лесу и окраинам деревни. «Попробуйте треску с чипсами, – предложил нам официант, когда мы вернулись в «Королевский штандарт». – Джонни Депп и Тим Бартон ее очень хвалили, когда заезжали сюда после съемок „Чарли и шоколадной фабрики“».

Ноя предпочла другое традиционное английское блюдо – ароматный пудинг домашнего приготовления с мясом и почками. Съев его, заказала на десерт другой пудинг (фруктовый с хлебными крошками, утопающий в сладком креме из яиц и молока), потом довольно откинулась на стуле и... увидела прямо над собой самый что ни на есть доподлинный человеческий скелет.

Как он попал сюда? Никто не дал мне вразумительного ответа. Бармен и официанты отделались загадочными шуточками типа «клиент не смог заплатить по счету» или «это самый ранний посетитель ждет заказа». А потом они предложили мне записать свою собственную историю в «Книге привидений», которую ведут посетители. Но мне нечего было рассказать – старинная пивнушка пока не захотела нашептать мне на ухо одну из своих историй... Знаю, сама виновата. Надо было пить неводу, а эль, сваренный по древнему рецепту.

Зато другие посетители не нарушили традицию. Чем темнее становилось за маленькими окнами, тем громче шумели и хохотали в зале. Официанты только успевали забирать пустые кружки и подносить полные.

Уменьшилось ли количество потребляемых здесь спиртных напитков по сравнению со старыми временами? – Не думаю. Слова Натаниэла Ли, известного драматурга эпохи Реставрации, допившегося здесь до белой горячки, звучат актуально и сегодня: «Они сказали, я свихнулся. А я сказал, они свихнулись. Проклятье, они меня переспорили!» Вдень, когда драматурга выпустили из Бедлама, он снова напился и был задавлен каретой.

Страна художника Констебла

Четверо в лодке среди пасторальных пейзажей Англии

– В субботу будем плавать на лодке с Линдой и Колином в стране художника Констебла, – порадовал меня муж.

Под парусом мы уже ходили, и после этого плавания я с большим, чем бывало прежде, чувством перечитала главу о морской болезни из «Троих в лодке, не считая собаки».

Но в этот раз речь шла об обычной весельной прогулке по речке Стер в Саффолке, в местности, которая со всеми пасторалями и старинными деревенскими коттеджами является музеем под открытым небом. Знаменитый английский художник Джон Констебл родился там в семье мельника в XVIII веке и всю жизнь рисовал пейзажи и переменчивые облака.

Линда добровольно взялась отвечать за повышение моего культурного уровня, и мы уже посетили немало интересных мест Англии, включая Кембридж, замок Рочестер, а также самый крупный супермаркет в близлежащем Апминстере. В супермаркете Линда объяснила, где тут кухонные комбайны, а где посудомоечные машины.

Почему-то, хотя она вовсе не простушка, ее представления о русских и России застыли в замороженном виде со времен холодной войны.

На новогодних танцах в клубе она удивилась, что я под ритмы рок-н-ролла отплясывала вовсе не «казачок». «Линда, ты отстала от жизни», – устыдился своей жены Колин, но, видимо, в ее голове что-то замкнуло раз и навсегда, и он а доброжелательно продолжает приучать меня, дочь варварского народа, к цивилизации.

«А в Москве есть вот это?» – любимый вопрос Линды. Да, есть: рестораны, магазины, губная помада, детское питание в баночках, автобусные остановки – подтверждаю сначала я, потом мой муж. Все-таки он лицо менее заинтересованное, поэтому ему доверия больше.

Но он начинает тихо закипать и вынашивает планы страшной мести – пригласить Линду в Москву, встретить ее в «Шереметьево» и вместо Москвы привезти в один населенный пункт недалеко от нашей дачи. Место это унылое, позабытое Богом и районной администрацией, с вонючим рынком на центральной площади. «А где же Красная площадь?» – по сценарию должна спросить Линда. «А вот она», – ответим мы. «А где же Кремль?» – «А нету никакого Кремля, это только картинка из телевизора, пропаганда»...

Наступила суббота, и мы наконец отправились в плавание. Проскользнули под узким старинным мостом, ловко увернулись от встречных лодок, заплыли в тупичок с темной тиной: самое время подкрепиться, ведь уже десять минут гребем. Почему-то во время путешествий – в самолете ли, на поезде или просто на машине – люди едят больше и чаще, и вопрос пропитания приобретает порой даже болезненные масштабы.

Мы съели сырный рулет, мои пирожки, все сэндвичи, опустошили контейнеры с Линдиным салатом и даже не поделились с утками и лебедями, которые в изумлении сгрудились вокруг лодки.

«Там, за поворотом речки, будет кафе – прекрасные кофе и мороженое», – со знанием дела сказала Линда. И вот мы уже гребем за десертом, мимо сонных берегов с рыжими упитанными коровами, задумчиво пьющими воду из речки, мимо древних дубов, под которыми дремлют сухопутные любители страны Джона Констебла, прямо к прибрежному кафе. За столиком я хочу сказать Линде, что такого в 70 милях от Москвы я точно не встречала – бескрайней пасторали, непуганых лебедят, норовящих проплыть прямо под веслом.

Но Линда меня опережает: «Смотри, смотри на этого беби», – и показывает на ребенка в сумке-кенгуру у мужчины на животе. «А есть ли в России беби, Ольга?» – спрашивает мой муж. Линда надувается, но обратная гребля опять превращает нас в дружную команду, и Линда всерьез обдумывает, где мы будем ужинать. Она знает замечательный деревенский трактир,

но сначала мы заедем пропустить по стаканчику в один паб, где, говорят, любил выпить сам Черчилль.

Для меня здешние пабы – целый мир, который я помню на ощупь: добротное старое дерево стоек и столов, часто с червоточинками, иногда липкое от разлитого пива (не ресторан же), и знаю его душноватый запах – пабы обычно находятся в старых зданиях, и потолки там низкие. А еще в этом мире пламя горит в большом камине, в соседнем зале проходит какая-то доморощенная викторина, и мужские голоса у стойки гудят, прерываемые совершенно невероятным женским хохотом.

В пабы я влюбилась сразу же и потому с любопытством подглядываю затем, как англичане проводят там время. Если приходит компания, то мужчины по очереди платят за общую выпивку при каждом новом подходе к стойке. А еще есть любители менять за один вечер несколько заведений.

– Мое любимое местечко в холодную погоду, – Линда усаживается в кресло паба, вспугнув призрак Уинстона Черчилля, и мы молча потягиваем вино, перед тем как двинуться в наше восточное предместье Лондона.

Всего-то час езды на машине из Саффолка, но тыходишь в трактир и понимаешь, что люди здесь говорят на другом языке. Хотя это и английская речь, без тренировки ее не поймешь. Это кокни.

Первый шок я испытала по приезде, когда поняла, что выученный в России классический английский здесь не помощник. Окончания проглочены, слова изменены. «Ты в порядке, дорогуша?» – это в Эссексе вместо «здравствуйте». Ты лихорадочно вспоминаешь что-то из лингафонного курса, чтобы не ошибиться в произношении. А в ответ получаешь: «Чаво?» В общем, это край Элиз Дулитл еще до того момента, как она встретила своего профессора. А мужчины здешние – сорвиголовы, таких в пираты набирали.

Лондонские кокни в XIX веке изобрели такой рифмованный сленг, что их даже западные лондонцы не понимали. «Свинные пироги» – это значит: собеседник ни единому слову твоему не верит. Старый друг – это «фарфоровая тарелка».

Во время ужина спрашиваю Линду, как часто они с Колином обедают вне дома. Раз в три-четыре в неделю, говорит она. Я знаю, куда они ходят, – в эти маленькие китайские, индийские, тайландские, итальянские ресторанчики и, конечно, английские трактиры. Представляю русский ресторан в здешних краях – с самоваром, мясными пирогами и блинами. В центральном Лондоне этим никого не удивишь, но в нашем пригороде некоторые люди – те же Линда с Колином – только благодаря мне впервые попробовали гречневую кашу и борщ.

– Ну, как тебе моя страна? – спрашивает Линда.

– Прекрасная, – отвечаю правду. Всю Англию можно назвать страной Констебла. И как только им удастся при густой заселенности острова сохранять такие волшебные пейзажи? Еще думаю про себя, что моя страна не хуже. Мы просто разные. «Не бывает двух дней, даже двух часов похожих, и не найдется на дереве двух одинаковых листьев – со дня сотворения мира...» Это Констебл сказал.

Пожалуй, не буду мучить Линду. Покажу ей все-таки и Кремль, и Рождественский бульвар, и Остоженку, и в Сергиев Посад свожу, и в Боровский монастырь, и в магазины разные – пусть тоже просвещается.

Путешествие по Сассексу в вагоне третьего класса О нежных чувствах британцев к паровозам

Значит, так. На простыню с резинкой кладется обычная простыня, на обычную простыню – два вязаных прокрывала. Все это аккуратно загибается на уровне подушек и подтыкается под верхний матрас – чтобы ни единой складочки ни сверху, ни снизу. Потом укладываются

высокие спальные подушки – по две. Сооружение закрывается тяжелым покрывалом, на него водружаются еще две парадные плоские подушечки с оборками из того же материала в цветочек, а между ними – нарядная тряпочная кукла и меховой бегемотик. Уф, нижний волан разглаживается... Готово. Заправлено по правилам английского коттеджа.

Мы ночевали в хозяйской спальне, и я замучилась приводить кровать в прежний вид. Дом в деревне Линдфилд, куда приятели Линда и Колин пригласили нас, принадлежит сестре Линды. Сестра с мужем уехали на конные соревнования, и Линда воспользовалась возможностью познакомить меня с очередным райским уголком Англии.

Линдфилд не зря называют лучшей деревней Сассекса: причудливо выстрижены кусты в палисадниках, прессованная солома плавно облегает крыши средневековых домов, лавка мясника украшена, как арт-салон, и деревенские крикетисты, в белоснежной форме играющие на зеленом поле, похожи издали на резвых ангелов.

Сады здесь огромны, соседей не слышно. Хотя, вполне может быть, наши соседи тихи по другой причине. Общительная Линда вчера поздоровалась с ними, и на подкол: «Вы совсем не похожи на шумных девушек Эссекса», – играючи вынула из-за пазухи гранату:

– Мы из Москвы.

Ее собеседница потеряла дар речи. Теперь, небось, вся деревня затаилась – ожидают нашествие русской мафии и скупку лучших коттеджей.

Наступивший день обещает приключение. Мы едем кататься на столетнем отреставрированном поезде по железной дороге «Синий колокольчик». В Британии таких ретро-дорог не меньше сотни, но у «Синего колокольчика» – одна из богатейших коллекций паровозов и вагонов. Их парк восстановлен и поддерживается руками энтузиастов.

Англичане гордятся своим железнодорожным прошлым. Ведь решающие изобретения в железнодорожном деле принадлежат не американцам, не французам и даже не братьям Черепановым, а замечательным английским инженерам Ричарду Тревиттику и Джорджу Стефенсону. Невзрачная «Ракета» Стефенсона, которую сегодня можно увидеть в лондонском Музее науки, – прадедушка всех паровых локомотивов мира.

Первая в мире железная дорога общего пользования с паровой тягой протяженностью всего 40 километров была построена в Англии в 1825 году все тем же Стефенсоном. Ее рождение можно назвать триумфом не только британской инженерной мысли, но и индустриальной революции, капитализма, империи. С ее помощью вечная борьба за богатство и покорение территорий продолжилась с невиданным прежде размахом.

В конце XIX века, когда общая длина проложенных в мире рельсов стала равна почти миллиону километров, ритм жизни изменился навсегда. Прежде время ощущали приблизительно, а теперь минуты вдруг стали важными: упустишь даже одну – опоздаешь на поезд.

И все вдруг показалось доступным. Свежие продукты из далеких мест. Быстрая почта. Путешествия. Пирамиды Египта, акведуки Древнего Рима, Великая Китайская стена...

До 1870 года невозможно было найти в мире железную дорогу, построенную без английской технологии или оборудования. Не стала исключением и первая российская магистраль – из Санкт-Петербурга до Царского Села, паровозы для которой закупались в Англии и Бельгии. Неудивительно, что накануне Первой мировой войны британские инвесторы владели 113 железнодорожными компаниями в 29 странах.

Изобретенные в те времена технологии до сих пор приходят на помощь людям. Когда недавно в стране случилась «жестокая» зима (минус два по Цельсию, и немного снега, но для англичан, особенно в южных графствах, где растут пальмы, – это вызов), она парализовала транспортную систему. Аэропорты были закрыты, машины брошены на обочинах.

На железной дороге тоже начались сбои: нежная электроника, которой напичканы современные поезда, не выдерживает морозов. Пассажиры то застревали в Евротоннеле, то не могли дожидаться обычных пригородных электричек.

И вот, когда было прервано железнодорожное сообщение между Лондоном и Дувром, людей подобрал паровой локомотив «Торнадо», построенный энтузиастами в 2009 году. «Торнадо» в тот день как раз курсировал по юго-востоку острова, отрабатывая вложенные в него деньги (3 миллиона фунтов) – в его вагонах-ресторанах подавали недешевые рождественские обеды.

«Мы с шиком доставили пассажиров по назначению, – рассказал Марк Аллат, председатель траста владельцев локомотива. – Так что если у других железнодорожных компаний появится желание модернизировать свои услуги с помощью паровозов, всегда будем рады помочь».

Сегодня многие британцы ностальгируют по тем временам, когда их инженеры задавали тон остальному миру. Нация, открывшая историю железнодорожного транспорта, с горечью наблюдает за тем, как ее опережают другие.

Сначала Франция и Япония вырвались вперед со своими скоростными магистралями. (Великобритания смогла построить всего около 100 километров.) Теперь бум перекинулся на другие страны – говорят, даже Турция, Аргентина и Украина скоро получат свои аналоги сверхскоростных пассажирских экспрессов.

А еще британцы переживают, что в стране давно нет возможностей целиком построить новый паровоз. Ведь котел для «Торнадо» сделан немцами. Но романтическая привязанность к паровозам не ослабевает. Достаточно понаблюдать за энтузиастами «Синего колокольчика», которые годами разыскивают, восстанавливают старые железки, доводя каждую до блеска, и вдыхают жизнь в древние локомотивы империи.

Колею с тремя станциями проложили еще в XIX веке местный граф Шеффилдский и трое богатых помещиков. Они сделали это для собственного удобства, о чем свидетельствует расписание 1877 года: «Ежедневно курсирует состав для четырех пассажиров до Восточного Гринстеда и далее в Лондон». К кроме их резиденций, никаких поселений рядом не было.

– Неужели это третий класс? – спросила я своих спутников, когда мы расселись в отдельном купе с бархатными сиденьями и резными украшениями. На стене висела инструкция, куда прятаться во время бомбежки. – Ну и жили вы тут. В России до революции третий класс был общим вагоном, в котором все вместе и плакали, и пели.

– Думаю, мы немного попродвинутое вас были, – скромно заметил Колин, и я вдруг вспомнила, как давным-давно муж то ли в шутку, то ли всерьез предупреждал меня, что муж Линды – русофоб.

Оказывается, в XIX веке железнодорожные компании, особенно американские, предоставляли богатым пассажирам невообразимую роскошь. Мраморные ванны, венецианские зеркала, парикмахерские, бары и даже настоящие камины с бальзамическими дровами, как у банкира Моргана, – все это превращало вагоны в дворцы на колесах.

Другой магнат путешествовал составом из четырех вагонов, один из которых был отведен для его личной коровы. Корова эта давала молоко именно той жирности, которая подходила слабому желудку магната...

Наш старинный состав помчался мимо антикварных семафоров, лесов, холмистых пригорков с овечками, пару раз прошел сквозь тоннель и подъехал к станции. Бог мой, там его поджидало немало любителей паровозной старины. Сейчас будут претендовать на наше восьмиместное купе.

– Быстро встали у окна, – приказывает мой муж.

Мы группируемся вокруг него, изображая давку, как на кольцевой линии метро в час пик. Только что носами в стекло не упираемся.

Хитрость срабатывает – нам удастся отпугнуть семью стремя орущими младенцами и компанию геев. Они направились в соседние купе, к японским и немецким туристам. И тут

появились две бойкие старушки в оборочках и с длинными зонтами. Они собрались подсесть к нам. Ни отрепетированная давка, ни приветливое лицо моего мужа их не смутили.

Тогда он рывкнул в приоткрытое окно:

– Сбегай еще за пивом!

Старушки замерли, потянули острыми носами воздух и дружно отвернулись от нашего купе.

Так и поехали мы вчетвером – граф Шеффилдский со помещиками. В Кингскоте рядом с нами остановился другой старинный поезд, арендованный для свадьбы. Он был украшен огромными белыми бантами, а в окне вагона первого класса, среди хрусталя, один из гостей сосредоточенно расчленил нечто розовое и морское серебряными щипцами.

На обратном пути мои развеселившиеся англичане дурачились, учились говорить по-русски. Линда после нескольких попыток совершенно по-московски произнесла:

– Краси-ивый!... – и сразу поинтересовалась. – Можно сказать, что я – Краси-ивый?

– Нельзя, – строго ответила я.

У нее вытянулось лицо.

– Видишь ли, для женского рода другое окончание, – заторопилась я, но увидела, что она уже перестала слушать. Русский снова показался ей сложным, как китайская грамота.

– Ольга, какое у тебя полное имя? – спросил Колин. Они не первый раз соревнуются, кто наконец повторит его без ошибки.

– Ольга Владимировна.

– Как-как? Блади...

– Владимировна, – все равно не запомнят.

– Блади Мэри? – с коварной улыбочкой спросил Колин, и все трое залились смехом.

Сами вы Блади Мэри.

– Колин, – набралась я храбрости, – ты когда-нибудь был русофобом?

– Да глупости... – он смутился, – в Греции на пляже поругался из-за лежанки. Я к русским отношусь лучше, чем к некоторым своим соотечественникам, – и он с негодованием посмотрел на моего мужа.

Злости в его словах не было. Я по себе знаю, что прощание с очередным предрассудком приносит радость. Это разочарование, повернутое вспять.

Бабушка всех подземок Остриящие дикторы и машинисты, Рахманинов для хулиганов и призрак древнего египтянина в придачу: лондонской «трубе» почти полтора века

Моя лондонская станция точно имеет аскетичную двойняшку в Москве, на Филевской линии. Обе построены в условиях строжайшей экономии. Только на лондонской уже не первый год звучит классическая музыка – руководство местной подземки считает, что Рахманинов и Вивальди способны сократить преступность. Вполне верю. Ведь большинство местных «худис» не читали и даже не смотрели «Заводной апельсин».

Сейчас войду в мокрый от дождя вагон, усядусь под плакатиком: «Любовь – это когда на сиденье не кладут ноги», – и понесусь по вечнозеленому пригороду, мимо настенных граффити, мимо чьих-то окошек. В России так близко к железной дороге жилье не строят.

Приблизившись к центру, поезд войдет в тесный тоннель, остановится на первой подземной станции.

– Mind the gap, – прозвучит автоматическое предупреждение о зазоре между краем платформы и дверью.

Фраза, ставшая таким же символом «трубы», как и красный кружок-логотип, с 1999 года и по сей день произносится голосом Эммы Кларк – несмотря на то, что знаменитую дикторшу уволили в 2007 году за нелояльность. Сначала она публично призналась, что боится поездок в «трубе». Масла в огонь подлили размещенные на ее сайте звуковые файлы. В них тем же приятно поставленным голосом Эмма произносила: «Пассажир в красной рубашке, не притворяйтесь, что читаете газету.

Мы знаем, грязный извращенец, вы разглядываете бюст вашей соседки». Или: «Просьба к американским туристам: говорите потише!»

Туристов вычислить просто. Вот по вагону шествует пара. Женщина окидывает пассажиров взглядом и говорит по-русски:

– Ну, Саш, в Африку попали!..

Потом он а наступает мне на ногу:

– Сорри!

– Эц олрайт, – отвечаю я почему-то по-английски и прикрываю глаза.

– Нет, ты посмотри на этих англичанок, – продолжает она, – ничем их не пробьешь. Как они тут живут? И метро у них отстойное.

Лондонское метро, в самом деле, не может произвести впечатления на избалованную подземными дворцами и четким графиком движения российскую туристку. Но уважать лондонскую «трубу» мы обязаны – как уважают долгожителей за один только возраст. Тем более что трудолюбивая старушка поражает своим масштабом: ее 275 станций расположены на самых разветвленных в мире путях, длина которых достигает 408 км!

Первопроходцы

Мысль о передвижении под землей давно не давала покоя английским инженерным умам. В 1798 году некий Ральф Тодд рыл тоннель под Темзой, пока не увяз в зыбучем песке и долгах Подобная участь ждала и нескольких его последователей. Все-таки к 1843 году – после прорывов воды, унесших десять жизней, – тоннель был открыт самой королевой Викторией. Он оставался пешеходным недолго: в 1869 по нему помчались поезда, и с тех пор движение не прекращается.

Подземную железную дорогу было решено строить в Лондоне еще в середине XIX века, так как омнибусы и экипажи окончательно потеряли скорость на перегруженных улицах 10 января 1863 года, когда был пущен 3,6-километровый участок от Пэддингтона, пассажирами первого в мире метрополитена сразу стали 30 тысяч лондонцев.

«Труба», как они ее окрестили, трудилась на полную мощность, перевоза 40 миллионов человек ежегодно. К первому тоннелю добавились другие, вырытые тем же открытым способом. В 1884 году они сомкнулись, образовав кольцевую линию.

Локомотивы работали на пару, и, чтобы пассажиры не задохнулись, в тоннелях через каждые сто метров были пробиты вентиляционные колодцы. Должно быть, лондонские улицы, под которыми пролегла «труба», походили на долину гейзеров – с этими вырывающимися на поверхность клубами дыма. Но англичане и здесь нашли остроумное решение: в респектабельном районе Лейнстер Гарденс, дабы не портить пейзаж, спрятали шахту за фальшивым цементным фасадом в полтора метра шириной. Со стороны можно было подумать, что это обычный жилой дом.

Все было впервые, и многим специалистам, кто оказался связан с новым видом транспорта, пришлось заняться изобретательством и рационализаторством. Например, схема станций. Кажется, что может быть проще и очевиднее? Но вначале она располагалась на обычной городской карте. Линии метро выглядели перепутанными.

Помогло вмешательство чертежника Гарри Бека, временно нанятого отделом сигнализации. В свободное от работы время он придумал схему, применив тот же принцип, что и в рисуемых им электросхемах. Этим принципом теперь пользуются метрополитены всего мира: каждая ветка имеет свой цвет и расположена строго по горизонтали, вертикали или диагонали, а станции размечены без учета фактических расстояний между ними.

Пробная диаграмма вышла в свет в 1933 году. К радости автора, нововведение полюбили, и Бек продолжил работу над схемой, пока в 1960 году один самоуверенный чиновник не пожелал занять его место. Диаграмма от этого не выиграла, и последующие авторы старались вернуть ей первоначальную простоту. А в благодарность Беку, который до самой смерти рисовал новые эскизы, на ближайшей к его дому станции установлена мемориальная доска.

Призраки подземелья

Во время войны лондонцы прятались от немецких бомб в метро. Власти сначала были недовольны, но вскоре сами начали снабжать эти стихийные убежища всем необходимым. Некоторые станции даже сделались правительственными офисами. Например, Черчилль говорил, что станция Даун стрит – одно из редких мест в Лондоне, где он может по-настоящему выспаться.

Сейчас от этой небольшой станции, куда довоенные нарядные пассажиры (в основном жители близлежащих богатых особняков) попадали с помощью двух лифтов или винтовой лестницы, остались приметы, понятные лишь следопытам. На поверхности это – дверь в здании новостного агентства, ведущая к сохранившейся лестнице, а под землей – замечаемый пассажирами просвет в тоннеле, через который на мгновение мелькает часть заброшенной платформы.

В такой густо заселенной привидениями стране, как Британия, для них просто обязан найтись уголок в подземке. Хотя призраки предпочитают заброшенные дома и замки, неработающая станция метро ничем не хуже. Например – Олдвич, закрытая с 1994 года, и используемая для модных вечеринок и презентаций. Там иногда появляется туманная женская фигура в длинном платье. Как объясняют очевидцам, это дух актрисы, которая все ждет своего последнего вызова на бис.

Еще один неуспокоившийся на том свете актер с конца 50-х годов пугает народ, бегая по тоннелям в районе Ковент Гарден. После его появления в подсобке станции ее работники потребовали перевести их в другое место. А на станции Банк обитает Черная Монахиня – сестра банковского кассира, казненного в 1811 году. При жизни она, одетая во все черное, каждый вечер в течение сорока лет приходила к банку, чтобы встретить брата. Говорят, ее дух был потревожен рабочими, рывшими тоннель.

В сообществе подземных призраков присутствует также тринадцатилетняя девочка Энн Нейлор, убитая обучавшим ее шляпником и его дочкой. Ее крик, изредка оглашающий своды станции Фаррингтон, называют «вопящим спектром».

Но самые захватывающие сцены разыгрываются на закрытой с 1933 года станции Британский Музей. Здесь разгуливает древний египтянин. В прежние времена одна лондонская газета предлагала награду смельчаку, который провел бы ночь на станции, а в комедийном триллере «Бульдог Джек» рассказывалось про секретный ход из египетского зала музея прямо в метро.

У призраков лондонского метро имеется даже собственный подвижной состав – поезд, управляемый машинистом в старинной двубортной куртке и остроконечной кепке. Издавая пронзительный гудок, этот «летучий голландец» промчался в 1928 году мимо станции Южный Кенсингтон.

«Иисус любит тебя»

Но настоящий страх пассажирам метро внушают, конечно же, не привидения, а живые террористы и преступники.

Помню свою первую самостоятельную поездку по «трубе». Маршрут представлялся несложным, потому что Чизвик, где происходило освящение новой православной церкви, находится на моей ветке. Но путешествие не заладилось с самого начала. Машинист объявил, что следующая остановка последняя и вся линия на ремонте.

– А если вы хотели попасть в Чизвик, – сочувственно добавил он, словно обращаясь ко мне лично, – вам вообще лучше было не садиться в этот поезд.

Пришлось извлекать схему, придумывать обходные пути. Все это было довольно неприятно, потому что к одной платформе здесь прибывают поезда разных направлений, и промежутки между ними составляют иногда до пятнадцати минут.

От расстройства я села не в тот поезд, он оказался пригородным экспрессом и повез меня неизвестно куда. Невезение на том не закончилось – в вагоне я обнаружила себя один на один... как бы пополицейски сказать... с афро-англичанином криминальной наружности. Он пристально наблюдал за моими попытками дозвониться мужу, потом встал и направился ко мне. Я вжалась в велюровое сиденье, решив, что без боя новенький мобильник не отдам.

А он ласково улыбнулся – перед тем, как пройти к дверям:

– До свиданья, сестра. Иисус любит тебя...

В том году метрополитен только начинал свои музыкальные эксперименты с классикой. Уж не знаю, они ли сыграли решающую роль, или усиление патрулей и установка шести тысяч камер видеонаблюдения, но, по последним данным преступность в лондонской «трубе» в самом деле идет на убыль.

Дорогие мечты

Будущее лондонского метро пытались предсказать еще в 1914 году. Один профессор писал в транспортном журнале, что через 85 лет на станциях откроются комфортабельные комнаты ожидания, куда станут моментально стекаться все сообщения о движении поездов – «возможно, даже в виде картинок на художественно подсвеченных экранах».

Предвидел ли он, что крупнейшая в мире система будет страдать от хронической нехватки финансирования? И это – несмотря на то, что последние полвека она находится в общественной собственности (с 2002 года метрополитен работает в условиях частно-государственного партнерства, когда частные компании отвечают за эксплуатацию).

Столичные власти с гордостью и одновременно со скрытым беспокойством констатируют, что за год подземка перевозит почти миллиард пассажиров. Перенаселенность британской столицы всегда служила причиной для открытия новых станций, сегодня к этому добавилась еще Олимпиада-2012.

В более сытые времена правительство лейбористов обещало «трубе» пять миллиардов фунтов инвестиций, и наблюдатели даже сравнивали прежнего мэра Кена Ливингстона с нетерпеливым мальчиком, который наконец дорвался до схемы метрополитена, чтобы пририсовать к ней новые разноцветные линии. При нем была построена ветка к новому терминалу Хитроу.

Пришедшие к власти консерваторы, хоть и урезали все государственные расходы, в инвестициях лондонской «трубе» тоже не смогли отказать. Для метро это реальная возможность обновить оборудование, особенно сигнальное и связи, а также продолжить существующие ветки. Мэр Лондона Борис Джонсон уже мечтает о линиях в южных пригородах.

Что для русского болезнь, у англичанина – хобби

Бес счета

Англичане находят удовольствие в «инвентаризации» всего на свете: локомотивов, самолетов, барсуков

«Семь, восемь... верно – девять», – ступенек в доме не прибавляется. Зачем же я считаю их всякий раз, поднимаясь наверх?

Залезаю в справочники, чтобы узнать: патологии нет, наблюдается лишь легкая встревоженность, – сам Эрих Фромм меня утешил. Оказывается, подобные действия позволяют почувствовать себя активным индивидуумом, без необходимости принимать решения. А правильность цифр дает символический ответ на сомнения в себе и в жизни. Короче говоря, если ступенек вдруг станет десять, это будут очень плохие новости.

После знакомства с чужими научными трудами я и сама призадумалась: о том, что все-таки, запикивая поведение человека в рамки, стоит считаться (опять этот счет) с национальными нормами характера.

Вот, например, я проведу дождливый день на платформе, фиксируя номера всех прибывающих поездов. Близкие в Москве обеспокоятся, станут подыскивать хорошего доктора. А англичане просто запишут меня в зануды.

Я видела на пригородных станциях так их сильно увлеченных мужчин – в анораках и с блокнотиками. Подобных им в Британии много. Их зовут train spotters, счетчики поездов, и они хотят отследить все локомотивы в стране. Наверное, их странное хобби – побочное дитя английской любви к систематизированию.

Если имеется склонность, почему бы не посчитать остальное, что не только ездит, но летает? – Уже посчитали: наблюдатели за самолетами, или plane watchers, – вооружившись оптикой, фотографируя взлеты и посадки, коллекционируя названия авиакомпаний и модели. Один отправил жену на юг, а сам остался в аэропорту, где и провел отпуск. Заветные уголки терминалов, адреса отелей, откуда удобно вести наблюдения, приведены на специальных сайтах.

Я прожила неделю в таком раю наблюдателей за самолетами. Первый день, четверг, все удивлялась – почему хорошая гостиница заселена наполовину. Ответ, да не один, прилетел в пятницу утром, когда я разлеглась возле бассейна с хлорированной яркой водой.

Первые самолеты показались интересными: я, забыв про масштаб, сама захотела собрать их в коллекцию. Они шумно шли на посадочную полосу, которая точно должна была начинаться за соседним баром, – белобрюхие, разных моделей и расцветок, с четко различимыми надписями на борту.

В воскресенье – когда пилоты уже воспринимали мой оранжевый купальник как визуальный ориентир, – густо полетели обратные рейсы, и я не могла дождаться своего. Чего нельзя было сказать о соседях по отелю, группе очумевших от счастья наблюдателей.

Наблюдение за самолетами – феномен, отмеченный только в Великобритании и странах Бенилюкса. Поэтому он не всегда находит одобрение у других народов. В 2001 году греческие власти обвинили группу британских plane watchers в шпионаже. Греков можно понять – информация, собранная интуристами около авиабазы, была довольно емкой. Это британские военные пока смотрят сквозь пальцы на увлеченных соотечественников.

Господи, охота пуще неволи. «Я наблюдал самолеты в 22 странах и так полюбил смотреть в небо, что увлекся и птицами. Теперь, если в расписании полетов есть окно, а я вдруг получаю

сообщение о новой птичке, увиденной на юго-востоке Англии, бросаю все дела, выпрашиваю отгул и несусь туда».

Это рассказывает один из любителей, который к тому же стал bird watcher, наблюдателем за птицами. Он поставил жизненной целью насчитать пятьсот разновидностей пернатых на Британских островах, и двести – у себя в Сассексе. Еще у него есть мечта самостоятельно обнаружить редкий вид.

Пернатые так популярны, что массовые издания сообщают новости типа: «Из Америки прилетел необычный дрозд». Или: «Розовый скворец евразийских степей был замечен и замучен недавно в Норфолке – армия наблюдателей в течение двух дней не давала ему передохнуть на ветке. Ослабев, он стал добычей кота».

Сами учетчики природы тоже рискуют. «Ух ты, глазищи в темноте так и горят!» – шепнул охотник перед выстрелом. Но то был не блеск лисьих глаз, а отсветы от прибора ночного видения, который надел один любитель барсуков (наверное, здесь уместно назвать его хобби – badger watcher). Последний был серьезно ранен в грудь.

И все же игра стоит свеч. Хотя счетчики будут искренне уверять, что удовольствие от инвентаризации локомотивов, самолетов и барсуков является чисто эстетическим, я знаю теперь – процесс подсчета дает им иллюзию упорядоченности и контроля над окружающим миром.

Неудивительно, что все в нем давно сложено-перемножено. Педанты еще и резвятся: «Сколько времени потребуется, чтобы население Китая прошло перед вами, выстроившись цепочкой? Понятия не имеете? А мы знаем! А еще знаем процент европейцев, не моющих руки после посещения туалета – 27, и количество разных слов в шекспировских драмах – 31 534, и число авиапассажиров, которых ежегодно пропускает через себя Хит-роу – 66 миллионов».

Но все же Фромм мне что-то недообъяснил. Потому что встречаются цифры, которые вдруг нарушают иллюзию британского порядка и контроля. Вот самые свежие 600 – столько восточных европейцев из присоединившихся к Евросоюзу стран ежедневно прибывают на благословенный остров; 60 миллионов – это фунты, которые уже тратятся на матпомощь им; 6630 – новых больных ВИЧ зарегистрировано в 2009 году (большинство – выходцы из Африки). Учетчики чешут затылки от таких данных, хотя настаивают, что лучше знать и открыто обсуждать, чем пребывать в неведении.

Восстанавливать британское душевное равновесие принято шутками. Итак, сколько времени потребуется, чтобы все китайцы прошли перед вами? – Вечность! (Численность китайского народа постоянно увеличивается.)

А на мой взгляд, если изменить уже ничего не можешь, лучше расслабиться и следить за одной только миграцией скворцов и дроздов, да считать ступеньки, или сдачу в магазине, или просто дни до праздников. Вы так не считаете?

Какого цвета Тинки-Винки

Народное английское развлечение – викторина

Ходили на викторину, или квиз-найт. Мы – несколько семейных пар – расположились за столиком номер пять. Одних я уже давно знаю, других увидела впервые: они играют в гольф с нашим приятелем Колином (это он заказывал столик и собирал команду). Всего в зале было человек двести.

Для умственного разогрева перед игрой на столы положили бумажки с разными лингвистическими задачами, ребусами и шарадами – англичане их щелкают, как орешки. Но это единственное, что мне кажется навеки недоступным. Я постепенно вхожу во вкус так их вечеров и показываю все лучшие результаты.

Один из друзей Колина по гольфу, дядечка со снобским выговором, в самом начале, когда я уточняла один вопрос на тему изобретений, поставил меня наместо, сказав:

– Это наверняка было в Британии изобретено.

Мол, сиди, русская тетка, и жди, когда начнутся вопросы про твою заснеженную Россию, типа всяких там спутников и революций.

Но к концу вечера он сам умудрился помочь со всего лишь одним ответом – про сумчатое австралийское животное, и выражение его лица было уже не таким снобским.

Я тем временем блеснула советским образованием в разделе истории – назвала «Утопию» Мора и имя Ллойда Джорджа, который был премьером Великобритании во время Первой мировой войны. Может, они бы и сами своего премьера вспомнили, но пока раскачались...

При каждом моем успехе муж мой гордо приосанивается. Не знаю, что думают остальные товарищи по команде (их-то дамы вообще молча сидят), но изумленные взгляды по касательной я так и ловлю. Возможно, пора притормозить, а то еще заработаю репутацию всезнайки и синего чулка.

Навряд ли им понятно, почему даже англоговорящую культуру иногда лучше их знаю. Про «Серен аду лунного света» Глена Миллера никто, кроме меня, ответить не смог. А то, что Мария Кюри была полячкой, вообще вызвало легкий шок (хотя я подозреваю, что первым вопросом могло быть – кто такая Мария Кюри). Я в очередной раз подумала – насколько же мы, русские (или постсоветские), открыты всему миру, интересуемся всем на свете, не сидим в скорлупе, подобно другим нациям.

Объявили перерыв – привезли еду. «Мальчишки» наши поднялись и вскоре принесли к столу горячие коробочки с чипсами, рыбой и курицей – кто что заранее заказывал. Колин бросил на середину пригоршню разноцветных пакетиков с уксусом и соусами. Напитки давно уж там стояли, каждый с собой принес. Кто-то пил вино, кто-то смешивал незамысловатые коктейли, типа шэнди – пива с лимонадом.

Народ ел, пил, потихоньку хмелел.

Во второй части викторины был вопрос про Суэцкий канал: с одной его стороны находится Красное море и город Суэц. А что находится с другой стороны?

– Индийский океан? – впервые за вечер подает голос Сю, работница банка в Сити.

Все безжалостно фыркают в ее сторону и сразу морщат лбы – ответ-то до сих пор неизвестен. А расстроенная Сю принимается нервно накручивать на палец свой светлый локон.

– Порт Саид там находится, и Средиземное море, – вспоминает наконец ее муж. Честь семьи спасена.

Но после Порта Саида начинается невезуха. Что ни вопрос, отвечаем неправильно. Я тоже – назвала помесь ослицы и жеребца мулом. А это был лошак.

Огласили предварительные результаты – наша команда вторая с конца. Во время предыдущей игры я видела, что награждали не только лучший столик (там сидела команда тихих очкариков: «школьные учителя», как с завистью сказал Колин), но и самых слабых игроков.

Меньше всего баллов тогда набрала компания старушек-веселушек – они получили бутылку красного вина и были счастливы. Я еще подумала, что проигравшим надо не вино, а витамины для улучшения памяти вручать.

И вот перед нами перспектива – оказаться самыми глупыми из двадцати с лишним команд. Колин пройдет к сцене, народ поаплодирует столику номер пять, снисходительно разглядывая нас, болезных.

– Главное, не принимай близко к сердцу, – шепчет муж.

– Не играй всерьез, – советует с другой стороны Колин.

Во второй части вечера стало повеселее, потому что вопросы пошли самые разнообразные – и для книжных червей, и для домохозяек. Вплоть до детского: какого цвета телепузик Тинки-Винки.

Когда началась музыкальная часть – «Послушаем песню и вспомним, кто ее исполнял, из какого она кинофильма?» – зал начал подпевать. «И действительно, чего я так разволновалась из-за проигрыша», – рассуждаю под знакомую мелодию Тома Джонса. Ведь не в «Кто хочет стать миллионером» играем, люди просто пришли посмеяться и пообщаться.

К счастью, снова начались вопросы с политическим подтекстом:

– Кто был главой Тайваня после Второй мировой войны?

– Кто стоял во главе Северного Вьетнама во время войны с США?

Отдохнувший было зал растерянно загудел, а мои англичане с надеждой посмотрели на меня. Ну, это проще простого – кто же не знает Чан Кай-ши и товарища Хо Ши Мина. В моей памяти одновременно всплывают китаец в военном френче, аскетичное лицо с жидкой бородкой и странный круглый памятник на площади Хо Ш и Мина в Москве. Его еще рублем юбилейным называли. Друзья по столику номер пять снова молча недоумевают: почему я знаю ответы, а он и не знает.

Да потому что политинформаций у вас в детстве не было. И газеты советские вы никогда не штудировали.

– Какой глава государства стучал по столу ботинком в ООН? Это для всех легкий вопрос.

Без колебаний написав фамилию Khrushchev (с восемью согласными!), Колин вдруг просит:

– Ольга, добавь здесь по-русски.

Сразим арбитров наповал. Вывожу печатные «щ» и «е», а все наблюдают за моим карандашом: надо ж, только что сидела, как обычный человек, и вдруг иероглифы принялась рисовать.

– Инопланетяне, – тихо говорит сам себе Колин.

Последняя серия вопросов посвящена диснеевским фильмам. Наступает звездный час Линды. Она помнит и актеров, и сюжеты, и музыку. Заполненный ею листочек отправляется на сцену к судьям... Ура. Ни одной ошибки. Мы приходим к финишу с достойным средним результатом.

Следующая викторина состоится через месяц. Народ как раз успеет соскучиться по этой легкомысленной атмосфере, по самодельным коктейлям и рыбе с чипсами на столе, по залитым вином бумажкам с шарадами, по старым песенкам, вопросам про политиков и телепузиков.

Обмен женами

Соглашаясь на участие в новом телешоу, никто не осознавал последствий

В небольшой аккуратной кухоньке на западной окраине Лондона чернокожий мужчина с волосами, собранными в хвост, на фоне горы немытой посуды отчитывает белую пухленькую женщину:

– Если в доме есть какая-то работа, она должна быть сделана. Хватит бездельничать перед телевизором! Понимаю теперь, почему ты такая толстая.

Женщина только что пришла домой после двенадцатичасового рабочего дня. Но для мужчины это не аргумент:

– Если бы ты была моя жена, избавился бы от тебя на следующий день.

– Да если бы ты был моим мужем, выбросила бы тебя в окно! – огрызается толстушка.

Это эпизод из «Обмена женами» – британского документального телесериала, с первых же показов приковавшего внимание рекордной аудитории. Идея его проста и не требует больших продюсерских капиталовложений. Две женщины, обе матери и жены (или просто «партнеры» для своих мужчин – если живут в незарегистрированном браке), соглашаются на две недели оставить свой дом, чтобы жить в другой семье. Для каждой из них эта другая семья

– полнейшая загадка. Ключ от входной двери и адрес – единственное, что женщина получает перед переездом.

Для большинства героинь то, что поначалу казалось веселым приключением, неожиданно превращается в испытание. В одной из серий молодая кокетливая Кэрл, преподаватель в театральном кружке, стала временной жертвой Барри, неработающего, «профессионального азартного игрока», «профессионального посетителя тренажерного зала», как он сам себя охарактеризовал. Настоящая жена Барри, Мишель, за все годы супружества не видевшая, чтобы ее муженек пошевелил пальцем дома, взамен получила утренний кофе в постель и бокал вина в пенной ванне по вечерам, которыми ее потряс супруг Кэрл.

Похоже, что съемочная группа специально сталкивала противоположные жизненные уклады, программируя захватывающий конфликт. Героиня эпизода на кухне, Ди, белая, среднего возраста, сверхсредней упитанности, командир в своем доме, никогда не скрывавшая своего отрицательного отношения к смешанным бракам, получила в мужа Лэнси, черного, авторитарного, небольшого любителя белых, как выяснилось вскоре, и к тому же покуривающего марихуану... Муж Ди, водитель автобуса Дэйв, раздобывший на готовых пиццах и гамбургерах мужичок, который последний раз занимался спортом в 1971 году, заполучил Соню, дисциплинированную чистюлю, фанатичку фитнеса и здорового питания. Эффект от такого обмена поразил не только зрителей, но и самих продюсеров.

Ди заподозрила неладное, только открыв холодильник в новом доме, когда семья еще не собралась вместе: «Кто такие живут здесь? Они не англичане. Пьют кокосовое молоко». А в это время в квартирке Ди новая жена Соня в недоумении рассматривала полки, подоконники и диваны, оккупированные сотнями мягких игрушек, которые Ди собирала с четырнадцати лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.